

Чжоу Мань продолжал искать пропитание на склонах, неся в руках небольшой узелок. Поскольку с ним был ребенок, он не совался в лесную чащу, а придерживался проторенных троп.

По пути Чжоу Мань назвал свое имя и спросил, как зовут спутника. Услышав ответ, он улыбнулся:

— Хм, Ин Фэйчи... «Не рожденный для тесного пруда». Красивое имя.

Ин Фэйчи, которому это имя навязали против воли, раньше его недолюбливал, но, услышав такое толкование, перестал сердиться. «Нельзя быть слишком заносчивым, — подумал мальчик. — Пусть этот человек и не из нашей школы, он весьма образован». Он всегда платил добром за добро, поэтому сразу проникся к Чжоу Маню симпатией и спросил:

— Ты говорил, что ищешь еду. Как она выглядит?

— Это вьюнок, — принялся описывать Чжоу Мань. — Стебель у него четырехгранный, а листья по форме напоминают куриное сердце с тонким длинным кончиком. И листва, и стебли нежно-зеленого цвета, их легко узнать.

Ин Фэйчи кивнул, огляделся по сторонам и указал пальцем:

— Не вон то ли?

Чжоу Мань проследил за его взглядом и обрадовался:

— Именно оно! Подожди здесь, а я пойду выкопаю.

Он направился к зарослям. Ин Фэйчи и так чувствовал себя неловко из-за того, что навязался в спутники, а стоять без дела, пока другой добывает пищу, и вовсе было тошно. Однако в том месте росло много колючек. Мальчик посмотрел на свою широкую даосскую робу и понял: он не только порвет одежду, но и запутается в ветвях, став для Чжоу Маня лишней обузой. Пришлось ждать на тропинке.

Чжоу Мань достал из корзины стальной лом, примял густой кустарник и расчистил вокруг растения площадку в два шага шириной. Затем, бросив корзину, начал копать в стороне от самого стебля. Он вырос в горах, его крепкое тело привыкло к физическому труду, поэтому вскоре в земле зияла внушительная яма. Глядя на его вздувшиеся мышцы и капли пота на лбу, Ин Фэйчи ощущал невольное восхищение. В школе Ланфэн ценили возвышенность и изящество, а этот тяжелый, изнурительный труд дарил мальчику чувство чего-то настоящего, живого.

«Даже без магии люди находят способы выжить», — отрешенно подумал он. Ин Фэйчи сделал

шаг вперед и, чтобы прервать молчание, спросил:

— Почему ты копаешь так далеко? Разве нельзя подкопать прямо под корнем?

Чжоу Мань не прерывал работы, хотя дыхание его сбилось:

— Этот горный ямс очень старый и уходит глубоко в землю. Если копать прямо под корнем, корень легко перебить.

Ин Фэйчи кивнул, хотя и не до конца понял. Поколебавшись, он подоткнул подол робы за пояс и осторожно подошел ближе.

— Давай я помогу отгрести землю.

Чжоу Мань, видевший в нем лишь маленького ребенка, замахал руками:

— Не нужно, это тяжелая работа, а ты еще мал.

— Я владею магией, — возразил Ин Фэйчи.

Он сорвал лист и принялся выводить на нем пальцем знаки. Заклятие Перемещения было единственным, которое он знал — мальчик тайком упражнялся, пока переписывал книги, чтобы реже таскать тяжелые пачки бумаги. Опыта ему не хватало, поэтому он сосредоточенно вывел иероглиф и взмахнул листом над ямой. Земля с глухим шорохом сама вылетела наружу.

«Н-настоящая... настоящая магия!» Чжоу Мань застыл с открытым ртом, не в силах отвести взгляда от мальчика.

— Что такое? — Ин Фэйчи встревоженно замер. По какой-то причине ему очень не хотелось казаться бесполезным. То ли он боялся, что Чжоу Мань бросит его как обузу, то ли не желал вызывать лишь жалость. Нет, если он хотел жить, он должен был доказать свою ценность. Подачки и сочувствие его не устраивали.

— А, ничего... — пришел в себя Чжоу Мань и снова взялся за лом. — Просто впервые вижу магию вживую. Потрясающе! Ты такой юный, а уже умеешь творить подобные чудеса. Это впечатляет!

Кажется, его еще никогда не хвалили так искренне. Учитель Тайцин-цзы был скуп на доброе слово, а соученики в основном лишь льстили. Чувство признания было непривычным, но приятным. Ин Фэйчи покраснел и принялся объяснять:

— Я упражнялся почти пять лет, чтобы достичь такого уровня. Смотри, этот лист пришел в негодность, мне нужно сорвать новый.

— Ха, будь я на твоём месте, и за всю жизнь бы не научился, — Чжоу Мань говорил чистую правду.

«Тогда...» — Ин Фэйчи едва не выпалил: «Тогда я тебя научу». Но он не успел, так как Чжоу Мань радостно воскликнул, нащупав что-то в яме:

— Ближайшие три дня нам не придется голодать! Думаю, мы даже сможем продать остатки на рынке.

Ин Фэйчи не понимал, чему тот так радуется, но согласно кивнул:

— Да, это хорошо.

Чжоу Мань лучился счастьем. Для него любые житейские трудности были преодолимы. Разве можно унывать, когда судьба дала ему шанс начать всё заново, сохранив близких?

Дикий ямс обычно растёт вертикально, но этот корень оказался огромным и ветвистым. Чжоу Мань бережно извлекал куски и складывал их в корзину — добыча заняла добрую половину объёма. Закончив, он сел прямо на землю, тяжело дыша и утирая пот синей тканью, сорванной с головы. Немного придя в себя, он заметил, что Ин Фэйчи не сводит взгляда с его макушки.

— Что такое? — Чжоу Мань ощупал голову. — На меня что-то упало? Жук или лист?

— Твои волосы... — медленно произнес Ин Фэйчи. — Тело, кожу и волосы мы получаем от родителей...

Он думал, что волосы Чжоу Маня просто спрятаны под повязкой, но они оказались... короткими, как у монаха-отшельника!

— А, это, — Чжоу Мань коснулся своего короткого «ежика» и усмехнулся. — В нашем мире, и не только в нашей деревне, мужчины стригутся очень коротко с самого детства. Некоторые женщины тоже носят короткие стрижки. У нас всё иначе, чем в твоих краях.

«Женщины тоже стригутся? Совсем как монахини в обители Юньшуй? Неужели в этом мире все практикуют буддизм?» — Ин Фэйчи был потрясен.

Чжоу Мань не знал, как объяснить ребенку из мира бессмертных устройство технологичного общества, поэтому решил решать проблемы по мере их поступления. Он взвалил корзину на спину, подхватил лом и скомандовал:

— Идем, пора возвращаться.

Ин Фэйчи, все еще пребывая в шоке от мысли о мире буддистов, молча последовал за ним. Он даже не заметил, как Чжоу Мань по пути насобирав столько хвороста, что в корзине не осталось свободного места.

Обратный путь под гору занял меньше времени: примерно через час они увидели черепичную крышу школы. Войдя внутрь, Чжоу Мань с некоторым смущением произнес:

— Извини, у нас тут бедновато и разруха. Придется тебе потерпеть, пока не найдешь способ вернуться.

Он поставил корзину под навесом и указал на одну из дверей:

— Та комната самая чистая, оставь вещи там. А я пойду вымою руки и приготовлю поесть.

Ин Фэйчи вошел в комнату, но узелок не выпустил — принялся оглядываться. Стены из желтой глины, крыша из черной черепицы. В восточной и западной стенах было по окну в деревянных рамах, затянутых чем-то полупрозрачным. В сгущающихся сумерках, лишённая света, комната казалась мрачной. Мальчик разглядел деревянный шкаф, кровать под марлевым пологом и стол. На столе стояло некое подобие подставки для кистей, в которой торчали две черные палочки. Рядом лежала стопка бумаги с напечатанными зелеными знаками. Ин Фэйчи с трудом узнал иероглифы «день», «месяц» и «благоприятно», но общий смысл ускользал от него.

Он долго стоял посреди комнаты, ошеломленный, пока его не вывел из оцепенения голос Чжоу Маня:

— Ин Фэйчи, ужин готов!

Оставив узелок на столе, мальчик поспешил на зов. В комнате, где обосновался Чжоу Мань, было еще темнее, лишь отсветы огня плясали на стенах. Хозяин указал на низкую табуретку:

— Присаживайся.

Ин Фэйчи сел и уставился на странный очаг. Это был квадратный глиняный помост с круглым отверстием наверху, в которое был вставлен закопченный сосуд с крышкой и дужкой. Будучи магом водной стихии, он сразу почувствовал, что внутри вода и тот самый ямс.

«Значит... это котел?»

В основании помоста тоже было отверстие — туда подбрасывали дрова. Заметив озадаченный

взгляд гостя, Чжоу Мань пояснил:

— Это глиняная печь, а сверху — котелок для воды. Дома нет ни масла, ни соли, так что кашу варить не из чего. Запечем ямс в золе, тем и поужинаем.

Он взял железный инструмент, похожий на ножницы:

— Это щипцы.

С их помощью он выудил из углей серый, испачканный в золе предмет и положил его на пол.

— Готово. Умеешь чистить? Осторожно, он очень горячий.

— Угу, — Ин Фэйчи едва соображал. Всё здесь было ему в новинку! Он чувствовал себя беспомощным младенцем, только что появившимся на свет. Вот только бывают ли такие огромные и прожорливые младенцы?

В нос ударил аппетитный аромат. Ин Фэйчи очнулся и увидел, как Чжоу Мань разломил корень, обнажив белоснежную мякоть. Пропеченный в огне ямс был рассыпчатым и удивительно нежным. Несмотря на годы сурового воспитания и воздержания, мальчик невольно сглотнул слюну.

В этот момент он ничем не отличался от обычного ребенка. Чжоу Мань очистил кусок и протянул ему:

— Ешь, пока горячий.

Ин Фэйчи, думавший, что хозяин возьмется за еду первым, был тронут. Он принял угощение и жадно откусил, тут же зашипев от жара. Было больно, но выплюнуть такую вкуснятину он не решился — проглотил, едва не плача от обжигающей сладости. Нежный вкус запеченного корня навсегда запечатлелся в его памяти.

«Как вкусно! Настоящее объедение!» Мякоть была одновременно мучнистой и сочной — странное сочетание, но поразительно приятное. Ин Фэйчи в три счета справился со своей порцией. Чжоу Мань к тому времени тоже доел свой кусок и вытащил из золы следующий.

— Я почищу! Я! — воскликнул мальчик.

Чжоу Мань отдал ему корень, а сам занялся остальными. Ин Фэйчи, обжигая пальцы и ойкая, быстро очистил ямс. Видя, что Чжоу Мань сосредоточенно возится у печи, он разломил корень и протянул большую часть к его губам, оставив себе половинку поменьше. Чжоу Мань на миг замер, странно посмотрел на него, но принял угощение.

Так, деля кусок за куском, они опустошили целую гору ямса, пока животы не стали круглыми.

«Неужели мы всегда будем есть только это? В школе Ланфэн, как бы ко мне ни относились, всегда давали рис», — мелькнула мысль у Ин Фэйчи. Но развить её он не успел, так как Чжоу Мань спросил:

— Ин Фэйчи, хочешь помыться?

— Да, пожалуй, — рассеянно ответил тот.

Чжоу Мань ничего не сказал, ушел и вернулся спустя время:

— Я принес воды. Мыльня находится сзади, иди скорее, пока совсем не стемнело.

При этих словах мальчик вспомнил, что здесь нет ни Талисманов Освещения, ни даже свечей. Он схватил смену одежды и побежал к пристройке. Вид «мыльни» вызвал у него смешанные чувства: это была крохотная каморка с дощатым полом, где стояло ведро воды, достигающее ему едва ли до колен.

Кое-как ополоснувшись, Ин Фэйчи вышел.

— Ложись в постель, — велел Чжоу Мань. — Комаров я выгнал. Как ляжешь, плотно задерни полог, иначе налетят, а в темноте их не переловить.

— Хорошо, — тихо отозвался мальчик и полез на кровать.

Чжоу Мань проводил его взглядом и усмехнулся. Сам он греть воду не стал — просто спустился к речке неподалеку. Именно оттуда он только что притащил ведро для гостя.

Когда он вернулся, Ин Фэйчи уже чинно лежал на своем месте. Чжоу Мань устроился рядом, тщательно подоткнув края сетки от насекомых. Едва голова его коснулась подушки, в нос ударил густой запах плесени. Он и забыл, что после смерти старого директора Чэнь-агуна в этих комнатах никто не жил года три.

Ин Фэйчи лежал с открытыми глазами до самого рассвета, мучаясь то ли от несварения после избытка ямса, то ли от непривычного смрада лежалой постели. Когда утром на завтрак снова подали печеные корни, он посмотрел на спутника и произнес:

— Послушай, Чжоу... Чжоу Мань. Мне нужно тебе кое-что сказать.

<http://bllate.org/book/17459/1692092>